



АННА ГАВРИЛОВА
КРИСТИНА ЗИМНЯЯ

РАСКОЛДУЙТЕ
ЭТО НЕМЕДЛЕННО!



МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г12

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *И. Косулиной*

Гаврилова, Анна Сергеевна.

Г12 Расколдуйте это немедленно! / Анна Гаврилова, Кристина Зимняя. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-101452-0

Если у парня, который строит тебе глазки, имеется ревнивая поклонница, жди беды. Смертельный полет с безумной высоты, в финале которого... нет, не темнота, а магическая дуэль, заклинание, угодившее прямоком в тебя, и превращение... В принцессу? Как бы не так! В неизвестное науке чудище!

Но есть и хорошая новость — это временно! Надо продержаться неделю, а потом появится тот, кто точно расколдует и вернет домой. Остается лишь понять, как выжить, если на тебя начали охоту маги-недоучки, они же студенты Магического университета, а в помощниках лишь скромный призрак и верная гитара. Впрочем, это не так уж мало. К тому же кто сказал, что гитара — не ударный инструмент?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101452-0

© Гаврилова А., Зимняя К., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Иногда последняя песня
становится первой...*

Глава 1

Город внизу радовал глаз россыпью огней, но полюбоваться этим дивным зрелищем решила только я. Ребята жарили сосиски на костре, который развели прямо посреди крыши, и болтали, приправляя рассказы «как я провел лето» шутками и смехом. Я же, устроившись на парапете с гитарой на коленях, крутила в руках неоткрытую банку с давно нагретым пивом и смотрела вдаль.

Группу свою я любила — таких безалаберных разгильдяев специально искать станешь и не найдёшь, — но единственное исключение в лице нашей первой красавицы Илоны Боровицкой изрядно подпортило удовольствие от общения. Ну вот сколько можно объяснять, что не нужен мне её любимый Дэн Роков? А этот балбес ещё и подначивает всё время — и не поймёшь: то ли и вправду клинья подбивает, то ли Илонку раззадоривает. Вот и сегодня зачем-то начал мою новую стрижку нахваливать, а у Боровицкой от этих комплиментов чуть пар из ушей не пошёл.

— Машенька, что же ты от коллектива отрываешься? — промурлыкал возле уха неслышно подкраившийся предмет моих невесёлых размышлений и попытался обнять.

— Денис, отвянь по-хорошему, — передёрнув плечами, чтобы сбросить его руки, отрезала я.

— Мышь, ну не кукуись, — уже нормальным голосом продолжил парень. — Пойдём! Как-никак начало третьего курса обмываем, а ты отлыниваешь! Обижусь — сама в деканат за хвостовками ходить будешь, — пригрозил Дэн, к несчастью, являвшийся у нас главным разгильдяем — то есть старостой.

— Уговорил, шантажист недоделанный, — буркнула я. — Минут пять ещё посижу и приду.

— Жду, Мышенька, — «обрадовал» Денис, взъерошив пятернёй мои без того растрепанные волосы и сбив при этом на нос примостившиеся на макушке темные очки.

Сквозь чёрные стёкла ночной город разглядывать было совсем не интересно, но едва я потянулась, чтобы вернуть аксессуар на прежнее место, как за ухом прошипели: «Я предупреждала!» — и сильный толчок в спину отправил меня навстречу ветру.

* * *

Кажется, я даже не заорала. В голове стремительно завертелись картинки из недалёкого будущего. И особенно ярко представлялись почему-то не рыдающие на кладбище родители, не сестра Катька, перетаскивающая свое барахло в мою комнату, а нервный тик полицейских, обнаруживших моё тело, и заголовки в новостных лентах. Не каждый же день с крыши недостроя спрыгивают студентки в обнимку с гитарой и банкой пива. С фланелевой рубашкой в клетку, кружевными трусами и молотком в рюкзаке, да ещё

и в тёмных очках — последние, очевидно, чтобы не так страшно лететь было.

Я истерично хихикнула. Нелепо! Нелепо вот так вот закончить жизнь в неполные двадцать. Не хочу! Я ещё столько всего не успела. Институт не закончила, замуж не вышла. Песню свою лучшую не написала.

И Филька! Они же Фильку голодом заморят!

Мысль о несчастной доле полосатого чудовища была последней перед тем, как темнота вокруг взорвалась ослепляющим светом.

— Эннэ крау кори шас! — Голос был красивый — звонкий и в то же время глубокий. Незнакомые слова звучали веско, уверенно. Наша литераторша за такое «с выражением» исполнение точно бы высший балл поставила, а что непонятно ничего — так мало ли на каком там наречии ангелы с душами общаются.

Я была совершенно уверена, что угодила прямо-ком в рай — ну не могли же меня после такой глупой и преждевременной смерти в ад отправить! Должна же быть в мире справедливость, правда?

Ответ на этот животрепещущий вопрос пришёл внезапно и болезненно. Путём столкновения моего тела с чем-то твердым. Слепящий свет сменился чередой разноцветных вспышек, пиво, не выдержав длительной встряски, вырвалось из-под слетевшего язычка и окатило меня пеной.

— О, Плющ ползучий, что это?! — Красивый голос с переходом на русский несколько утратил свою завораживающую привлекательность, зазвенев истеричными нотками.

Проморгавшись, я уставилась на вытянутое от изумления лицо незнакомого парня гламурной наружности. Выпученные глаза цвета первой весенней зелени, длинные золотистые волосы, жёлтая туника и, главное, характерные заострённые уши данного индивида просто кричали — нету во вселенной справедливости! Потому что вместо заслуженного рая мне явно достались кома и бред!

За моей спиной раздался стон, и я забарахталась, намереваясь встать. Стукнулась локтём, с трудом села и попыталась перекинуть за спину гитару, благо ремень, на котором она висела, позволял проделать подобный фокус. Гулкий звук от соприкосновения любимой «балалайки» с чем-то явно не мягким заставил похолодеть от ужаса — только бы не поцарапалась! Сзади кто-то взвыл. Кое-как сообразив, где руки-ноги и как они должны работать, я всё же умудрилась подняться и оглянулась. Ёлки, лучше бы я этого не делала!

На мелких, похожих на гальку камешках в весьма неудобной на вид позе валялось ещё одно порождение коматозного бреда. Оценить смазливость физиономии оного мешали вздувающаяся на лбу шишка, кровавый ручеек, сбегаящий вдоль брови, и подбитый глаз. Но характерные уши были на месте и даже, кажется, зловеще шевелились. Или это мне померещилось с перепуту?

Правая рука индивида была неестественно вывернута и, похоже, попросту сломана. Зато в левой нарастал угрожающего вида шарик из серо-синих светящихся полупрозрачных ниток.

— Мама! — почти беззвучно прошептала я.

Но покалеченный услышал и растерялся. Всего на миг, но собраться с мыслями и метнуть в меня серо-си-

нее нечто уже не успел — на его и без того отбитую голову со смачным шмяком приземлился мой несколько задержавшийся в полете рюкзак. Шарик скатился с ослабевшей ладони и лужицей расплавленного металла растёкся по камням, а через миг и вовсе исчез.

Я осторожно тронула ногой поверженного противника и, убедившись, что признаков жизни он не подает, подхватила свой «багаж» и рванула прочь что было сил.

— Куда? — закричал мне в спину ушастик в жёлтом.

Да если бы я знала, куда! Главное, подальше от места аварии, пока не обвинили во всех смертных грехах и страховку не затребовали.

— Стой! — гремело мне вслед.

Ещё чего! Ищите другую дуру!

Присыпанная галькой тропинка, по которой я неслась, неожиданно оборвалась — в самом буквальном смысле. Я попыталась затормозить, но не сумела и, споткнувшись напоследок о какую-то корягу и оставив под ней свою кроссовку, кубарем покатилась вниз.

Хана гитаре! Под эту скорбную мысль мой лоб встретился с булыжником, и наступила темнота.

* * *

Всё тело нещадно кололо — будто я вдруг ни с того ни с сего йогой занялась на утыканной гвоздями койке или в яму с ежами свалилась. Собственно, очнулась я от того, что самый любвеобильный ежик, наверное, воображая себя пушистым котёнком, потёрся своей «шубой» о мою щёку. Я застонала от боли и открыла глаза, чтобы обнаружить себя в неласковых объятиях кустарника.

— Ты слышал? — раздался неподалеку уже знакомый голос белобрысого ушастика, возвращая меня из комы абсолютной в её бредовую вариацию. — Это наверняка Оно!

— Последний раз повторяю, — устало отозвался неизвестный собеседник блондина, — нет здесь никого. Кроме нас троих, на всю округу ни одной достаточно крупной ауры. Только шалор в берлоге дрыхнет.

Я осторожно отвела в сторону колючую ветку, принятую в отключке за ежа, и выглянула из-за неё на каменистую дорожку. Первое знакомство с миром глюков состоялось в лучах заката, теперь же была уже ночь, но, несмотря на тоненький серп луны, едва различимый сквозь облака, и парочку неярких звезд, беседовавших на тропинке я видела не хуже, чем при солнечном свете. Только несколько бесцветно. Длинноухий, предположительно эльф, от которого я сбегала, разговаривал с долговязым субъектом в плаще средневекового образца а-ля инквизитор — в таких обычно ролевики шастают.

— А если... — попытался возразить ушастик.

— Никаких если! — отрезал глас из-под капюшона. — Энергетическое поле не может быть меньше объекта! Как ты вообще четыре курса закончил, если элементарного не знаешь?

— Да всё я знаю! Только вот если у этого существа запаха нет, то, может, и с аурой что-то не так?

— Не бывает материального без запаха! Не пахнут только призраки, — категорично заявил долговязый.

— Это ты Иллу расскажи, — разозлился ушастый, — вот он повеселится, узнав, что ему бестелесная сущность три ребра и руку сломала.

Не знаю, как бы отреагировал этот Иллу, но меня сравнение с Каспером ничуть не развеселило. Впрочем, осознание того, что меня ищут, порадовало еще меньше. Бред бредом, но почему мне не может сниться васильковое поле вместо триллера «Поймай Мышь»? Я зажмурилась и попыталась настроиться на позитив: свежий ветерок, солнышко, синенькие цветочки...

От медитации изрядно отвлекали продолжавшие беседу типы.

— А может, — выдал версию «капюшон», — он испугался и неудачно упал?

Я хмыкнула, сбившись с мысли о пушистых облачках в безмятежно-голубом небе. Это кого же надо увидеть, чтобы на ровном месте так травматично шлёпнуться?

Вот никогда не питала симпатий к эльфам, но этот ушастый глюк оказался явно сообразительнее оппонента. Впрочем, он ведь был свидетелем происшествия и видел всё своими глазами-плошками.

— А лоб чем разбил? — спросил длинноухий.

— Камень откуда-то упал?! — предположил гений логики в ответ.

— Разумеется! — закивал эльф. — Тогда ещё Карвилу наемкни, что ботинок, по которому он пытался след взять, ему померещился. Вот он точно обрадуется, а то уже в панику по поводу пропавшего нюха впал.

— Да от той вонючей жижи кому угодно обоняние откажет, не только оборотню.

— Вот! Если это было привидение, откуда странный сосуд с неведомой отравой?

Мне стало обидно — пусть пиво и было теплым, но называть мою любимую марку вонючей отравой?

— Ладно, Ларн, я согласен, что что-то было, но искать сейчас бесполезно! Ночь уже! — попытался воззвать к голосу рассудка «капюшон». — Запаха нет, ауры нет — предлагаешь на ощупь кусты прочесывать? А вдруг оно кусается?

— Не вдруг, а само собой разумеется, — вздохнул белобрысый. — Такой ужас не может не кусаться! Ещё и ядовитое наверняка.

Это я-то ужас? Ядовитый кусачий ужас?!

— Опиши-ка ещё раз, а то я так и не понял толком, что это было.

— Да мы сами не поняли. Могу только сказать, что такого чудища даже представить себе не мог — жутчайший монстр. Кожа серая какая-то, на голове не пойми что, глаза так и вовсе страшнющие — до сих пор вздрагиваю.

От порыва вылезти из кустов и огреть чью-то ушастую голову рюкзаком удержал только инстинкт самосохранения. Нет, конечно, на фоне гладкой эльфийской мордочки, неестественно зелёных радужек и шелюры а-ля реклама шампуня я выглядела несколько затрапезно, но не настолько же!

— А пола какого это твоё страшилище? — продолжил допрос долговязый.

— Так-то не определишь, — задумчиво протянул ушастый, — но оно заготовку статуи обнимало. Так вот тот кусок камня точно был под женскую фигуру обточен.

— Мужского, значит, — пришёл к выводу собеседник блондина.

А я, во-первых, вконец обиделась, а во-вторых, поняла, что гитар в этом порожденном комой мире не водится.

* * *

— Здесь уши у эльфов дрожат на ветру,
Здесь маги халтурят безбо-о-ожно,
Сию в наколдованном комой бреду,
Откуда сбежать невозможно... —

завывала я на мотив известной песни Высоцкого, машинально перебирая струны.

Дрожащий, срывающийся на всхлипы голос от-
ражался от стен пещерки, в которой я устроилась на
ночлег. Это зловещее эхо наверняка распугало всю
живность в округе. Если, конечно, после моей встречи
с обитателем берлоги кто-то ещё остался.

Разумеется, лезть в непонятную расщелину было
крайне глупо с моей стороны, и в реальной жизни
я бы никогда подобной дури не совершила, но в кош-
марном сне ведь не обязательно следовать здравому
смыслу? Да и голова моя была занята совсем иными
вопросами.

Самым важным, конечно же, было то, как скоро я вый-
ду из комы. Прикинув, во что превратилось мое тело
после полёта с тридцать шестого этажа, я вдруг поняла,
что, может, и не стоит возвращаться в реальность.

Впрочем, бывали же случаи, когда, выпав из окна,
дети и кошки отделялись лёгким испугом и сломан-
ным когтем? Правда, я давно не ребёнок и кошачьими
девятью жизнями не обладаю, а в этих историях всег-
да присутствуют сугробы или охапки опавшей лист-
вы, а никак не щерящийся иглами арматуры котлован,
но почему бы не произойти ма-а-аленькому чуду?

Вторым занимавшим меня вопросом был дизайн
моего персонального мирка и его обитатели. Я бы по-

няла, если бы мне пригрезилось, что я рок-звезда. Техногенный антураж, полчища голодных зомби и навороченный автомат тоже были бы кстати, но эльфы? Магия? Как-то я в толкиенизме никогда замечена не была.

После того как эти лопоухие нелюди (а тот зануда под своим капюшоном наверняка прятал просто выдающиеся локаторы) обозвали меня мужиком, а мою любимицу чем-то вроде резиновой куклы из секс-шопа, я была готова их просто растерзать. Но хамы сбежали, прежде чем я сообразила, как выбраться из кустов, не оставив на них всю свою одежду и часть кожи.

Напоследок долговязый высказал предположение, что я вовсе и не чудовищем могу оказаться, а жертвой заклинания покалеченного Иллу. Под возмущенные вопли блондина, что «этот бездарь» не мог создать ничего настолько устрашающего, парочка эльфов ушагала прочь и исчезла в яркой бело-голубой воронке, даже не подозревая, как близки были их ушастые головы к непосредственному контакту с моим рюкзаком.

— Пусть Иллу свернёт себе нос на бегу,
А блондин пусть примёрзнет к кровати!
Всем эльфям я их уши в пучок завяжу,
Пока сплю в одноместной палате... —

припев выходил особенно звучно. Искренне так, с душой!

Смесь эмоций, кипевшая во мне, просто рвалась наружу. Хотелось рвать и метать, но приходилось выплёскивать накопившуюся обиду на весь мир, а точнее, на два мира — родной и бредовый — исключи-

тельно словами. В пещере даже разбить было нечего, а прежний обитатель оной слинял.

Неведомая тварь, похожая на помесь гиены и белого медведя, сперва несколько опешила, углядев завернувший на огонёк ужин, потом прищурила жёлтые глазищи, сомневаясь в съедобности одного, но всё же решилась продемонстрировать оскал. Им и поплатилась за агрессию, оставив на память внушительный клык и прореху в рукаве. А ведь мы вполне могли поладить — я бы сейчас и от мохнатой компании не отказалась. Впрочем, упрекнуть гиеномишку мне было не в чем — у него была отменная причина для бегства.

Причина, с которой я познакомилась, едва-едва проводив взглядом и воплем пушистый зад улепётывающего со всех ног хищника. Непонятное грязно-серое нечто тарашило на меня здоровенные чёрные зенки без век из окошка-иллюминатора.

Я огласила свод берлоги новой волной визга и метнулась в сторону, но такой же пучеглазый монстр, только с раззявленной пастью, плотоядно пялился на меня уже с другой стены. У чудовища была отливающая сталью чешуйчатая шкура, нечто вроде иголок ди-кобразы на макушке и... мой кулон на шее?

Свои отражения в своеобразных зеркалах, представлявших собой вкрапления слюды в горную породу, я изучала долго. Сперва закончился запас мата, потом литературной брани, а под финал даже на многозначительное «ы-ы-ы» сил не осталось.

Тот ушастый в жёлтом оказался не хамом, а, можно сказать, поэтом. Ибо назвать нечто, взиравшее на меня со слюдяных пластин, всего лишь ужасом и страшилищем мог только поэт с возвышенной душой. Если